

«КОТОВСКИЙ»

Сценарий телевизионного художественного
восьмисерийного фильма

5 СЕРИЯ: «ПРЕДАТЕЛЬСТВО»

5.1. НАТУРА. ОДЕССА, УЛИЦА-ВХОД В БОГАТЫЙ ОСОБНЯК. ЛЕТО.
ДЕНЬ.

Ч/б.

Титр: «Одесса. Август 1918 года».

Мишка-Япончик – коренастый смуглый и узкоглазый мужчина в сопровождении двух подручных – украинцы Гмыри и молдаванина Ионеску слезают с пролётки неподалёку от богатого особняка. Все трое одеты в щеголеватые костюмы с бабочками. Япончик бросает кучеру.

ЯПОНЧИК

Тут жди. Мы скоро.

Мимо них, перебрасываясь короткими фразами на немецком языке, проходит патруль австрийских солдат в касках, с винтовками с примкнутыми плоскими штыками. Проводя их взглядом, Япончик, сокрушённо и не скрываясь, сплёвывает на землю.

ЯПОНЧИК

ТЬфу, немчура. Ай-ай, что творится
в Одессе. Больно смотреть.

Они направляются к особняку.

ГМЫРЯ

Япончик, есть на примете богатый
врач. Хорошая практика, денег у
него...

ЯПОНЧИК

Сколько тебе говорить –
интеллигенцию беречь надо. Им и так
трудно. Сегодня ты врача ограбил,
завтра учителя убьёшь. Кто будет
заниматься твоими детьми? Они
вырастут такими же босяками, как
ты. И куда пойдет человечество?

ГМЫРЯ

Япончик...

Япончик показывает на особняк, к которому они направляются.

ЯПОНЧИК

Ша - я сказал. Вон, коммерсантов
обирай. Они как тараканы - пользы
для человечества никакой, зато и
никогда не переведутся.

Они ступают на ступеньки крыльца, когда внутри особняка
раздаётся выстрел. Япончик спокойно удивляется.

ЯПОНЧИК

Что такое? Мародёры?

Гмыря и Ионеску достают револьверы.

Гмыря и Ионеску, не дожидаясь указаний Япончика, становятся
по обе стороны от входа, Япончик остаётся стоять прямо
напротив дверей.

Двери особняка открываются, на пороге появляются трое. Судя
по их раздувшимся карманам, денег и драгоценностей в
особняке не осталось. При виде Япончика с его людьми двое -
это Руф и Кицес - выхватывают оружие, главный среди них -
Котовский - остаётся невозмутим.

Япончик даже не возмущается - он изумлённо вглядывается в
лицо Котовского.

ЯПОНЧИК

Гриша? Что такое? Я не верю своим
глазам. Говорят, что ты стал, не
побоясь этого слова, красным
командиром.

5.2. ИНТЕРЬЕР. ОДЕССА, КАФЕ. ДЕНЬ.

Котовский и Япончик вдвоём сидят в кафе.

КОТОВСКИЙ

Был я красным командиром. Всю зиму
воевал. Народу положили - и своих,
и чужих... Весной я и ушёл. Больным
сказался.

ЯПОНЧИК

Что такое? Не сошлись характерами?

КОТОВСКИЙ

Бардак у красных – невероятный. Бьют их в хвост и в гриву. Зато начальников! Один другого важней! Было дело – думал, прибью какого-нибудь комиссара. В общем, я отряд свой распустил и ушёл. Всё одно – румыны нас из Бессарабии вышибли. Потом мне сказали – хотели меня расстрелять за своеволие, да не решились.

ЯПОНЧИК

Да, трудно вольному человеку в армии. Хотя, Гриша, чуёт моё сердце – придётся нам к тем или к другим притуляться. Время такое – сами по себе не устоим. Большевики ещё из приличных. Не к Деникину же.

КОТОВСКИЙ

Или к Петлюре.

При мысли о союзе с Петлюрой оба смеются.

КОТОВСКИЙ

Нет, я пока один погуляю.

5.3. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, НОМЕРА, КОМНАТА КОТОВСКОГО. ДЕНЬ.

Выход в цвет.

ТИТР: «Кишинёв. Август 1906 года».

Котовский сидит на стуле посреди комнаты. Антонина промывает ему порезы и царапины на лице.

АНТОНИНА

Сиди тихо, Гриш. Не верти головой.
В глаза попадёт.

В комнате – все члены банды Григория: Кицес, Руф, Афанасьев и Берелёв. Они без особого одобрения слушают рассказ Котовского.

КОТОВСКИЙ

Всех повязали. Я сам-то едва ушёл – через окно и крышами. Вайнер хотел за мной прыгать, да испугался. А потом уже поздно было. Я снизу

видел – жандармы его внутрь
втащили.

АФАНАСЬЕВ

А как ты хотел? С кем по грибы, с
тем и по ягоды.

КОТОВСКИЙ

Ты это к чему?

АФАНАСЬЕВ

Нечего было связаться с
политическими. Хорошо, ноги унёс.

КОТОВСКИЙ

Поговори мне. Вайнера надо
выручать.

АФАНАСЬЕВ

Вот не было печали.

Антонина на мгновение отрывается от царапин Котовского.

АНТОНИНА

Там каждый может оказаться.
Друзей, Вася, выручать надо.

АФАНАСЬЕВ

Такого друга черти приберут – не
заплачу.

КОТОВСКИЙ

Короче – нам нужен свой человек в
тюрьме.

КИЦЕС

Гриш, у нас там все – свои.

КОТОВСКИЙ

Аарон – среди охраны!

КИЦЕС

Так это деньги нужны. И немало.

КОТОВСКИЙ

Денег у нас хватит.

РУФ

Гриш, нам это надо?

КОТОВСКИЙ

Она правильно говорит – я друзей не бросаю.

5.4. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КАБИНЕТ
ЗИЛЬБЕРГА. НОЧЬ.

Зильберг, сидя на краю стола, равнодушно увещевает Вайнера. Сидящий перед ним на стуле Вайнер слушает своего бывшего друга с жалко-высокомерной усмешкой проигравшего.

ЗИЛЬБЕРГ

От тебя нужно одно – сообщить мне время и место очередного ограбления. Ну, или экса, как вы это называете. Больше ничего. А потом – уезжай за границу и забудь навсегда про все эти революции и освобождение трудящихся.

ВАЙНЕР

Пусть чаю принесут. И бутербродов.

Зильберг послушно снимает трубку телефона.

ЗИЛЬБЕРГ

Чаю принесите. Два, нет три стакана. И бутербродов побольше. С ветчиной. И сыром.

Зильберг кладёт трубку.

ВАЙНЕР

А с Берёзой что будет?

ЗИЛЬБЕРГ

Каторга ему будет. Гриша людей не убивал, так что – каторга.

ВАЙНЕР

Утешил. Да, странно закончилась наша дружба.

ЗИЛЬБЕРГ

Не жалоби меня, не надо. У тебя нет другого пути.

ВАЙНЕР

Другой путь всегда есть.

ЗИЛЬБЕРГ

Фу, как банально.

ВАЙНЕР

Банально. Но даже Господь оставил нам выбор между адом и раем.

ЗИЛЬБЕРГ

Оставь Господа бога в покое. Тем более что до рая тебе ещё каяться и каяться. Решай сейчас, после суда я тебе не помощник. За все ваши подвиги тебе прямая дорога на виселицу.

ВАЙНЕР

Мне? Может быть. А тебе? Ты судишь сегодняшним днём. Загляни чуть дальше. Сейчас вас – и тебя, и тех, кого ты так преданно защищаешь – все ненавидят. Буквально все. Не сегодня – завтра, эта масса обозлённых людей поднимется. И тогда таких, как ты, будут ловить на улицах и убивать. Безо всякого суда. Я-то сегодня умереть готов. А ты завтра?

Зильберг слегка поводит головой, но не повышает голоса.

ЗИЛЬБЕРГ

Ты готов? Врёшь. Врёшь, потому что боишься. Я вижу – боишься. Уже сейчас. Потому что знаешь, что тебя ждёт. А что с тобой будет после нескольких месяцев в камере смертников? Я ведь тебя сейчас отпущу, тебя в камеру отведут. И ты будешь выть по ночам от ужаса. Ты смелый, потому что тебе ещё приговор не зачитали. А там у тебя воображение так заиграет... Знаешь, почему палач затягивает узел петли за ухом приговорённого? Чтобы сразу ломались шейные позвонки, и жертва не мучилась, не задыхалась в петле. И всё равно палачу часто приходится

помогать – хватать за ноги и
виснуть на приговорённом.

Вайнер белеет.

В кабинет, постучавшись, входит солдат Егор с подносом с чаем.

ЕГОР

Разрешите, ваше благородие?

Солдат ставит на стол стаканы и тарелки с бутербродами.
Зильберг кивает Вайнеру на солдата.

ЗИЛЬБЕРГ

Вот он тебе расскажет, как это
бывает. Он сам у нас и вешает.
Егор, повесишь мне приятеля? Друга
детства?

Солдат, покосившись на Зильберга, хмуро отвечает.

ЕГОР

Когда прикажете, ваше благородие?
Если сегодня, так я хотел просить
отпустить меня в город.

Зильберг хохочет.

ЗИЛЬБЕРГ

Вот служака исправный! Всегда
готов! Ладно, сегодня не будем.
Сегодня отдыхай.

Солдат выходит, бросив на Вайнера внимательный взгляд.

ЗИЛЬБЕРГ

Прошу. Угощайся.

ВАЙНЕР

Паяц.

Вайнер встаёт и идёт к двери.

Зильберг равнодушно спрашивает его в спину.

ЗИЛЬБЕРГ

Желудок, ты куда? А бутерброды? С
собой возьми.

ВАЙНЕР

Зови конвой.

Пожав плечами, Зильберг снимает трубку и говорит, как будто передразнивает Вайнера.

ЗИЛЬБЕРГ

Конвой.

Вайнер открывает дверь в коридор, где сталкивается с солдатом с винтовкой с примкнутым штыком. Зильберг с удивлением говорит захлопнувшейся двери, перекаывая в руке телефонную трубку.

ЗИЛЬБЕРГ

Ай да Вайнер.

Аккуратно положив трубку на аппарат, он задумчиво произносит.

ЗИЛЬБЕРГ

Кто бы мог подумать.

5.5. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Солдат Егор, приносивший бутерброды в кабинет Зильберга, идёт по улице. Судя по сосредоточенному лицу и наличию веника и завернутой в газету пары чистого белья, которые он несёт под мышкой, Егор направляется в баню.

Свернув за угол, он натывается на стоящих посреди тротуара Руфа и Кицеса. У обоих в руках револьверы, нацеленные Егору в живот. Не говоря ни слова, они кивают на подворотню. Егор молча смотрит на револьверы. Поняв, что солдат от неожиданности находится в полусознательном состоянии, Руф и Кицес терпеливо вздыхают, берут его под руки – Руф забирает у Егора веник и свёрток с бельём – и тащат через подворотню.

В небольшом безлюдном скверике на лавке скучно сидит Котовский. Кроша ломоть хлеба, Григорий кормит воробьёв, отгоняя взмахами ладони голубей, которые неторопливо отступают в сторону, но тут же нагло шагают обратно.

КОТОВСКИЙ

Иди отсюда! Что ж это за птица такая? Ведь уже не летает – пешком ходит. Разъелись.

Руф и Кицес подводят к Котовскому Егора и плюхают на лавку рядом. Сами они остаются стоять.

Котовский, ожидая, пока Егор немного придёт в себя, разговаривает сам с собой.

КОТОВСКИЙ

Не люблю голубей. Вон, марширует. Наглый, как губернатор. Всё на дармовщину норовит. А лезут-то – будто их звали. Пшёл! Даже орать по-птичьи разучились – «бур, бур». Вот воробей, это да. Шустрый, горластый. Схватил и полетел. И подраться любит. Хорошая птица, воробей, весёлая! На меня похож.

Не поворачиваясь к Егору, Котовский интересуется.

КОТОВСКИЙ

Тебе какие птицы больше нравятся?

ЕГОР

Синицы.

КОТОВСКИЙ

Тоже дело. Синица – птица положительная. Её к дому тянет, к людям. И характер затейливый. Как звать?

ЕГОР

Егором.

КОТОВСКИЙ

А я – Котовский.

ЕГОР

Узнал.

КОТОВСКИЙ

Да ну?

ЕГОР

Я в жандармском управлении служу. Фотографии видел.

КОТОВСКИЙ

Резонно. Тут, Егор, такое дело. Вы на днях на квартире нескольких эсеров взяли.

ЕГОР

Это когда вы через окно удрали?

КОТОВСКИЙ

Именно. Один из них – мой друг.
Вайнер его фамилия.

ЕГОР

Видел на допросе. С гонором мужик.

КОТОВСКИЙ

Это точно. Чего хорошего, а
фанаберии у него на троих. Так
вот, его надо освободить. Как – сам
решай, в этом я тебе не советчик.

ЕГОР

Не выйдет. У нас сторожат надёжно.
А мне за такие фортели, господин
хороший, каторгу без срока
пропишут. У нас это – в два счёта.

Егор пытается подняться, но натывается на Руфа и Кицеса и
плюхается обратно.

Котовский лезет во внутренний карман и достаёт пачку денег.

КОТОВСКИЙ

Не пропишут. Тут хватит и
поделиться с кем надо, и так
спрятаться, что тебя вовек не
сыщут. Но смотри – если у моего
друга до суда дойдёт, если он
приговор получит, ты уж не обессудь
– тебя виноватым считать буду.

ЕГОР

Меня-то каким боком?

КОТОВСКИЙ

Никаким, просто под руку мне
подвернулся.

ЕГОР

Даже пробовать не буду.

КОТОВСКИЙ

Это правильно. Чего тут пробовать?
Не надо пробовать. Просто сделай. И
хватит ломаться как девка. Ещё

чего поперек мне скажешь – живым
отсюда не уёдешь.

После паузы Егор выдавливают.

ЕГОР

Только вы больше меня не ищите.
Увидит кто...

КОТОВСКИЙ

А чего нам тебя искать? Мы искать
станем, если, упаси тебя Бог, ты
просьбу мою не исполнишь. Держи.
Записку отдашь моему приятелю.

Сунув Егору в руку пачку денег и записку, Котовский
поднимается. Руф кладёт на лавку веник и свёрток с бельём.
Подмигнув Егору, они с Кицесом вслед за Котовским уходят из
сквера.

Сняв фуражку и втирая пот со лба, Егор смотрит им вслед.

ЕГОР

Чёрт бы вас...

5.6. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТЮРЬМА, КАМЕРА ВАЙНЕРА. ДЕНЬ.

В камере Вайнер задумчиво говорит, обращаясь к невидимому
сокамернику.

ВАЙНЕР

Знаешь, в чём разница между тобой и
мной? Ты сидишь тут неизвестно
сколько и чувствуешь себя
прекрасно. А я... Хотя что – я? Если
бы мне предложили провести здесь
остаток жизни, вместо того, чтобы
торжественно положить её на алтарь
борьбы, прах её побери... Что бы я
выбрал? Честно сказать? Не знаю.
Поверишь, не знаю. Одно дело
спорить с Немцем в его кабинете, и
совсем другое вот так, один на один
с самим с собой. И с тобой,
естественно. Есть хочешь? Сейчас
принесут.

Лязг замка.

ВАЙНЕР

Прячься. Беги, тебе говорят.

Таракан, с которым разговаривал Вайнер, и который внимательно слушал его, шевеля усами и жуя крошки, стремительно удирает со стола.

Вайнер неторопливо оборачивается на лязг замка.

Дверь открывается и в камеру входит Егор – солдат, который приносил бутерброды в кабинет Зильберга. В руках у него миска с супом и кусок хлеба – обед заключённого. Егор ставит обед на стол.

Вайнер внимательно следит за солдатом.

ВАЙНЕР

Тебе повешенные ночами не снятся?

ЕГОР

Его благородие шутили. Никого я вешаю. Вешают не здесь. У нас и палача-то нет.

ВАЙНЕР

Ну, начал. Ты – как твой капитан, как заведёшь любимую тему, остановиться не можешь.

ЕГОР

Сами спрашивали.

ВАЙНЕР

Ты сам-то откуда? Деревенский? Чего смеёшься?

Солдат с усмешкой смотрит на Вайнера.

ЕГОР

Господин капитан меня предупреждали, что вы агитировать станете. А вначале спросите, откуда я.

ВАЙНЕР

Ладно, иди.

Солдат несколько секунд молча смотрит в глаза Вайнеру.

ЕГОР

Из городских я. Отец – ломовик.

ВАЙНЕР

Иди, говорю.

ЕГОР

Могу, конечно, и уйти. Только... Ваши приходили. Велели передать.

Егор кладёт перед Вайнером сложенную записку и молча выходит.

Дождавшись, когда солдат выйдет, Вайнер берёт со стола записку и недоверчиво разворачивает. Прочтя записку, он машинально кладёт её в рот и жуёт.

ВАЙНЕР

Ну, Берёза. Не думал.

5.7. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦЫ. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Афанасьев везёт Котовский с Антониной в пролётке по городу.

АНТОНИНА

Что за место?

КОТОВСКИЙ

Хорошее место, Тонь. Вайнер если убежит, его искать начнут – он ко мне кинется, полицию с собой приведёт. А сюда никто даже и соваться не станет. Пересидим. Они долго не ищут. Сразу не найдут – и бросят.

Пролётка останавливается перед двухэтажным зданием, по виду – вполне солидным доходным домом.

КОТОВСКИЙ

Ну, как?

АНТОНИНА

Место приличное.

5.8. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ПУБЛИЧНОГО ДОМА, ГОСТИНАЯ. ДЕНЬ.

Антонина, Котовский и Афанасьев стоят в гостиной публичного дома.

На диванах в ожидании клиентов сидят несколько проституток.

АНТОНИНА

Это же бордель.

Бойкая и хорошенькая проститутка по имени Виолетта неприязненно отвечает Антонине.

ВИОЛЕТТА

Именно. А мы, барышня – что б вы знали – проститутки. С мужчинами – за деньги.

Афанасьев осторожно смотрит на Котовского, который старается не смотреть на Антонину.

КОТОВСКИЙ

А чего, разве плохо? Пересидеть?

Котовский и Виолетта встречаются взглядами. Антонина замечает это и вспыхивает.

АНТОНИНА

Ещё б плохо! Я тебе все волосы повыдираю! Пустили козла в огород! «Пересидеть»! Перележать!

Появляется хозяин заведения – Мейер Зайдер, суетливый и угодливый.

ЗАЙДЕР

Какие гости, какие гости. Милости просим. За мной, за мной. Наверх, в номера.

Когда Котовский проходит мимо девушек, Виолетта томно говорит в пространство.

ВИОЛЕТТА

А вообще, деньги – и не обязательно. Особенно если нам человек понравился.

Антонина кидается на Виолетту, но Котовский перехватывает за руку и тащит за собой наверх.

5.9. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТЮРЬМА, КОРИДОРЫ. ДЕНЬ.

Вайнер идёт по коридорам тюрьмы.

Егор идёт чуть сзади, на ходу инструктируя Вайнера.

ЕГОР

В случае что не так – вы ничего не знаете. Вам велели, вы и пошли. Так

что бояться нечего.

ВАЙНЕР

Похоже, что я боюсь?

ЕГОР

Меньше говорите. Какие бумаги дадут
– всё подписывайте.

Вайнер бросает на Егора подозрительный взгляд.

ВАЙНЕР

А сам что делать станешь? Когда
хватятся? Тебя же судить будут.

ЕГОР

Будут. Если поймают. Только мне
такие деньги за вас дадены, что
вовек не разыщут.

В предвкушении скорой свободы Вайнер обретает
покровительственный тон.

ВАЙНЕР

«Деньги дадены». Выберемся отсюда –
пойдёшь со мной, я тебя познакомлю
с настоящими людьми. Которые знают,
за что борются, у которых цель в
жизни есть.

Солдат смотрит на Вайнера с неожиданной иронией.

СОЛДАТ

Да видел я таких. Много их
перевешали. А которых на каторгу
отправили. Вы б молчали, а то
услышит кто.

Передёрнувшись, Вайнер решает смолчать.

СОЛДАТ

Запомните, зовут вас – Земсков,
Фёдор Григорьевич, год рождения –
1881, пятнадцатая камера.

5.10. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ТЮРЬМА, КАНЦЕЛЯРИЯ. ДЕНЬ.

Вайнер в напряжении стоит посреди канцелярии.

Дежурный офицер читает предписание, которое ему передал Егор. Затем сверяет с журналом.

ОФИЦЕР

Прекратить за отсутствием...
Освободить... Земсков. Земсков,
Земсков. Камера...

Подняв взгляд, офицер с сомнением смотрит на Вайнера.

ОФИЦЕР

Что это вдруг решили отпускать?
Вчера к забастовкам подстрекал, а
сегодня отпускают? Что, исправился
уже?

Вайнер молча пожимает плечами.

Офицер берёт трубку телефона.

ОФИЦЕР

Капитана Зильберга.

Пауза.

У Вайнера на лбу выступает пот.

Егор напряжённо смотрит на него, предупреждая от
неосмотрительного шага.

ОФИЦЕР

Благодарю вас.

Офицер кладёт трубку.

ОФИЦЕР

Нет капитана. Ну, хорошо. Вот.

Офицер подписывает и отдаёт Егору предписание об
освобождении заключённого Земского.

5.11. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА У ВОРОТ ТЮРЬМЫ. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Двери тюрьмы захлопываются за спиной Вайнера и солдата,
которые оказываются на улице. Вайнер на мгновение
останавливается и жмурится на солнце.

ВАЙНЕР

Ну что, может, со мной?

ЕГОР

Я лучше сам по себе.

ВАЙНЕР

А то смотри...

Егор неприязненно косится на Вайнера.

ЕГОР

Вы бы, ваше благородие, уносили ноги. Не ровён час, эти дверки опять откроются. Мне плочено за один раз, в другой я уже не помогу. Меня теперь самого искать будут.

Егор поворачивается к Вайнеру спиной и идёт по улице. Покосившись на двери тюрьмы, Вайнер направляется в противоположную сторону.

5.12. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА-БУЛЬВАР. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Вайнер идёт по улице. Напряжение постепенно покидает его. Идя по бульвару, он окончательно приходит в себя, начинает обращать внимание на окружающих людей. Уличный фотограф зазывает прохожих.

ФОТОГРАФ

Фотографию на память! Не захотите смотреть сами – пошлёте родственникам! Фотография!

Глянув в сторону, Вайнер сбивается с шага. На скамейке, в упор глядя на него, безмятежно сидит Зильберг. Он в форме, застёгнут на все крючки. Некоторое время Зильберг без особого интереса разглядывает Вайнера, затем делает движение головой: «Присаживайся». Вайнер несколько секунд колеблется, не зная, как ему поступить. Он обводит взглядом бульвар – вокруг одни гуляющие. На мгновение кажется, что Вайнер готов броситься бежать. Наконец он медленно приближается к скамейке и обречённо садится рядом с Зильбергом. Зильберг снимает фуражку.

ЗИЛЬБЕРГ

Жарко. Тебе, наверное, ещё хуже. Ты же толстый. Толстым вообще тяжело. Вон, вспотел весь.

ВАЙНЕР

Чёрт бы тебя взял.

ЗИЛЬБЕРГ

А ты уже думал, что ушёл? Смешной ты.

Вайнер медленно кивает.

ЗИЛЬБЕРГ

Егор, и правда, солдат исправный – деньги прямоком нам принёс, о встрече с Гришкой рассказал. Записка его – настоящая записка – тоже у меня.

ВАЙНЕР

Тогда зачем этот цирк?

ЗИЛЬБЕРГ

Твои соратники по партии уже знают о вашем провале. Естественно, ищут провокатора. Думаешь, они поверят в историю с твоим побегом? Один приятель – бандит – дал денег, а другой приятель – жандарм – позволил удрать? А потом мы сидели и болтали на скамейке в скверике? Ну и кто поверит этому бреду? Улыбнись.

ВАЙНЕР

Что?

Вайнер поднимает голову и видит, как уличный фотограф снимает их с Зильбергом.

Фотограф, стянув с головы покрывало, подскакивает к ним.

ФОТОГРАФ

Фотографию на память! Не хотите смотреть сами – пошлите родственникам!

ЗИЛЬБЕРГ

Вот ещё клоун. Иди, печатай фотографии. Смотри, чтобы мой друг отчётливо вышел.

ФОТОГРАФ

Слушаюсь, господин капитан! К обеду доставлю вам в кабинет.

Фотограф быстро сворачивается и уходит с бульвара. Вайнер провожает его неживым взглядом.

ЗИЛЬБЕРГ

Своих эсеров не ищи, они мне сейчас не интересны. Иди к Берёзе. Узнай, когда у них очередное дело, и сообщи мне. Когда всё кончится – я помогу тебе укрыться в Европе. Иначе тебя ваши найдут. Но это всё – потом. Сейчас главное – Гриша. И не вздумай меня обмануть. Одно моё слово, о том, кто на самом деле устроил тебе побег...

Вайнер не слушает Зильберга.

ВАЙНЕР

Берёза меня прикончит.

ЗИЛЬБЕРГ

Причём тут Берёза? Ты его не бойся, Гришка не убивает, даже друзей. Ты своих бойся. Если тебя кто и убьёт, так это они.

Вайнер убеждённо кивает.
Зильберг поднимается.

ЗИЛЬБЕРГ

До встречи.

Оглядев бульвар, он непринуждённо интересуется.

ЗИЛЬБЕРГ

Как думаешь, нас с тобой никто не видел? По-моему, нет.

5.13. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА-БУЛЬВАР-УЛИЦА. ЛЕТО, ДЕНЬ.

Вайнер с отсутствующим лицом шагает по улице – ему нужно срочно решать, как быть дальше. Придя в себя от размышлений, он решает проверить, нет ли за ним наблюдения. В зеркальных витринах магазинов он осматривает улицу. Несколько раз зайдя и выйдя из магазинов и свернув на перекрёстках, он приходит к выводу, что наблюдения нет.

Присев на бульваре на лавочку, Вайнер некоторое время напряжённо думает. Вскрикивает, садится, снова встаёт и идёт по улице. Его останавливают выкрики уличного разносчика.

РАЗНОСЧИК

А вот пироги горячие! Кому пироги!

Голодно посмотрев на лоток с пирогами, Вайнер машинально суёт руку в карман и понимает, что денег у него нет. Обшарив карманы, он сдувается от огорчения. Наблюдающий за ним разносчик угадывает проблемы Вайнера.

РАЗНОСЧИК

Что, господин хороший, деньгами небогаты, а есть охота?

ВАЙНЕР

Ну, в общем... Знаешь, голубчик, дома бумажник оставил.

РАЗНОСЧИК

Так возьмите. В долг. Потом отдадите. У меня многие в долг берут. Голодному-то грех не одолжить! Так, нет?

После некоторых колебаний Вайнер берёт пирог и тут же откусывает половину.

ВАЙНЕР

Спасибо. Много, значит, у тебя должников? И отдают?

Разносчик неожиданно хмуро отвечает.

РАЗНОСЧИК

Отдают, куда ж они денутся? Никуда они не денутся.

Пирожок встает у Вайнера поперёк горла – он понимает, что за разносчик стоит перед ним. Разносчик равнодушно предлагает, тыча пирогом в другую сторону улицы.

РАЗНОСЧИК

Да вы берите, всё одно пироги казённые. Если у вас с деньгами туго – то вон извозчик стоит. Он вас за так отвезти может.

Вайнер оборачивается и безысходно смотрит на извозчика – незадачливого типа фельдфебельского вида, которого отчитывал Зильберг. Извозчик деревянно снимает картуз и кланяется ему.

У Вайнера начинается истерика.

ВАЙНЕР

Что вам от меня надо! Что вам всем от надо?! Оставьте меня в покое! Я буду жаловаться на вас! Я позвоню капитану!

Разносчик и извозчик неловко оглядываются – прохожие смотрят на Вайнера.

Зажав в кулаке остатки пирога, Вайнер бросается прочь.

Переглянувшись, извозчик с разносчиком движутся за Вайнером – извозчик едет следом, разносчик, бросив лоток, сворачивает в подворотню, чтобы перехватить Вайнера.

5.14. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ДОХОДНЫЙ ДОМ С НОМЕРАМИ, КОРИДОР. НОЧЬ.

Вайнер идёт по коридору дома с номерами. Подойдя к окну в торце коридора, он выглядывает на улицу. Там стоит уже знакомый ему извозчик фельдфебельского вида. Чертыхнувшись, Вайнер подходит к двери номера. Поколебавшись, он стучит. Не получив ответа, стучит снова. Дверь распахивается. На пороге стоит дюжий мужчина, сложением напоминающий циркового борца.

МУЖЧИНА

Вам кого?

ВАЙНЕР

Простите, ошибся.

Подозрительно оглядев Вайнера, мужчина захлопывает дверь перед его носом.

Вайнер загнанно оглядывается. Коридорный, проходя мимо него, вполголоса интересуется.

КОРИДОРНЫЙ

Ищете кого?

ВАЙНЕР

Нет. Да. Тут жильцы... сменились?

КОРИДОРНЫЙ

Всех разве упомнишь. Съехали,

видно. Но если нужда есть, оставьте записочку – если кто заглянет, передам.

ВАЙНЕР

Передай на словах – старый друг заходил. Он поймёт.

Снова подойдя к окну в конце коридора, Вайнер выглядывает на улицу и, поморщившись, окликает коридорного.

ВАЙНЕР

Слышь, любезный! У вас другой выход есть?

5.15. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КАБИНЕТ НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ. ДЕНЬ.

Зильберг сидит в кресле напротив Левендаля.

ЛЕВЕНДАЛЯ

Иными словами, вы его потеряли.

ЗИЛЬБЕРГ

Совсем нет, он не может от нас никуда деться. Вайнер обязательно объявится. Он ушёл от наблюдения, потому что хочет развязать себе руки. Хочет быть уверенным, что после того, как выдаст нам Котовского, мы не схватим его снова. Для этого ему нужно было от нас оторваться – он оторвался.

5.16. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ, ГОСТИНАЯ. ДЕНЬ.

Вайнер в сопровождении Афанасьева идёт через гостиную публичного дома. Вайнер, несмотря на потрясение, вызванное последними событиями, с недоумением оглядывает игривый интерьер гостиной и его обитательниц.

ЖАННА

Вась, куда ты такого интересного мужчину повёл. Оставь хотя бы его. А то вы как монахи.

АФАНАСЬЕВ

А ты как хотела? Монахи и есть. У нас там такая настоятельница –

разом в чувство приводит.

5.17. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ, КОМНАТА. ДЕНЬ.

В комнате, где скрывается Котовский, Котовский пытается разнять дерущихся Антонину и Виолетту. Когда ему это удаётся, и он держит их разными руками, он получает оплеуху от Антонины.

АНТОНИНА

Кобель! Убью!

КОТОВСКИЙ

Тонь, да что ты! Я с ней так просто, от скуки.

Он тут же получает увесистую пощёчину от Виолетты.

ВИОЛЕТТА

От скуки? Сволочь!

Виолетта выскакивает из номера.

КОТОВСКИЙ

Где чёрт не сладит, туда бабу пошлёт. Лучше с мужиками воевать.

Антонина делает движение, чтобы провести ногтями по щеке Григория, тот перехватывает её руку.

Дверь в комнату открывается – входят Вайнер в сопровождении Афанасьева.

Вайнер с порога брякает.

ВАЙНЕР

Гриш, ты что, в борделе обосновался?

Он неуместно останавливает вопросительный взгляд на Антонине. Та вспыхивает и вылетает из комнаты, грохнув дверь. Вайнер смотрит ей вслед.

ВАЙНЕР

Я не то сказал?

КОТОВСКИЙ

Пренебреги. Ну что, натерпелся страху?

Котовский с Вайнером обнимаются.

ВАЙНЕР

Было маленько. Что-то, а пугать там умеют.

КОТОВСКИЙ

Это Немец-то?

ВАЙНЕР

Немец. Сволочь. Ладно, не хочу о нём.

В комнату входят Кицес и Руф. Кицес отвечает на вопросительный взгляд Котовского.

КИЦЕС

Всё нормально.

Теперь уже Вайнер вопросительно смотрит на Котовского.

КОТОВСКИЙ

Смотрели, не привёл ли ты кого за собой. Из тюрьмы всё-таки.

Вайнер выдерживает взгляд Котовского.

КОТОВСКИЙ

Кстати, ваших там видел?

ВАЙНЕР

Не успел. Да чёрт с ними – это же кто-то из них предал нас. И вообще – боевиков на смерть посылали, а сами... Я, например, ни в одном деле по-настоящему и не участвовал.

Котовский внимательно смотрит на Вайнера.

КОТОВСКИЙ

Хочешь попробовать?

5.18. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КАБИНЕТ ЗИЛЬБЕРГА. НОЧЬ.

Зильберг рассказывает по кабинету. Звонок телефона. Он быстро подходит к столу.

ЗИЛЬБЕРГ

Да. Нет, господин полковник, пока

ничего. Да, вероятно, я пойду
домой.

Зильберг кладёт трубку и идёт к вешалке за фуражкой. Он уже надевает фуражку, когда раздаётся новый звонок. Он возвращается к телефону.

ЗИЛЬБЕРГ
Слушаю. Понял. А ты сам...

Нажав рычаг, Зильберг набирает номер.

ЗИЛЬБЕРГ
Господин полковник, звонил Вайнер.
Завтра.

5.19. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЖАНДАРМСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ, КАБИНЕТ
НАЧАЛЬНИКА УПРАВЛЕНИЯ. ДЕНЬ.

Зильберг с начальником жандармского управления склонились над картой города.

ЗИЛЬБЕРГ
Квартал будет перекрыт полностью.
Уйти после ограбления совершенно
невозможно.

ЛЕВЕНДАЛЬ
Вы сами где будете?

ЗИЛЬБЕРГ
В квартире, где будет устроена
засада.

ЛЕВЕНДАЛЬ
А если всё-таки вырвутся?

ЗИЛЬБЕРГ
Вот тут и тут поставим стрелков. Им
приказано немедленно стрелять по
всем, кто попытается скрыться.

Некоторое время Левендаль и Зильберг смотрят друг на друга.

ЛЕВЕНДАЛЬ
А что этот Вайнер?

ЗИЛЬБЕРГ
Заявил, что пойдёт на дело вместе с

Котовским. Врёт, конечно. Он выдал Котовского и теперь, откупившись от меня, постарается скрыться.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Ну и бог с ним. Сейчас главное – Котовский.

Левендаль и Зильберг одновременно смотрят на часы.

ЛЕВЕНДАЛЬ

Уже скоро.

5.20. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ, КОМНАТА. НОЧЬ.

Котовский смотрит на часы. Защёлкнув крышку, он поднимает глаза и отсутствующе смотрит на остальных членов банды. Они играют в карты.

РУФ

Ну что, Гриш, где твой политический?

КОТОВСКИЙ

Ещё есть время. Есть время.

Он отвечает отсутствующе, напряжённо думая о своём.

АФАНАСЬЕВ

Долго будем ждать?

КОТОВСКИЙ

Он не придёт. Пошли.

5.21. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА ПРОМЫШЛЕННИКА БОЛБОЧАНУ. НОЧЬ.

В квартире промышленника Леона Болбочану Зильберг расставляет засаду. По квартире, стуча сапогами, ходят вооружённые жандармы. Некоторые курят папиросы, стряхивая пепел в цветочные горшки.

Зильберг отсутствующе препирается с хозяином квартиры, одновременно отдавая приказания своим подчинённым.

БОЛБОЧАНУ

Скажите, как долго ваши люди будут тут, так сказать, находиться?

ЗИЛЬБЕРГ

Пока бандиты не придут. Поручик, у дверей – двоих поставить. Стулья им дайте, пусть сидят.

БОЛБОЧАНУ

Простите, мне что, придётся, так сказать, принимать участия во всём этом?

ЗИЛЬБЕРГ

Вам должны будете ответить, когда они позвонят. У каждого окна встаньте по человеку.

БОЛБОЧАНУ

Нет-нет, это я не могу. Ради бога, без меня.

ЗИЛЬБЕРГ

Они могут знать ваш голос. Всем стоять так, чтобы от двери не было видно. И с улицы.

БОЛБОЧАНУ

Господи, боже мой. И когда их следует ожидать?

ЗИЛЬБЕРГ

Кого? Кухню проверьте и чёрный ход. В квартире напротив скажите нашим, чтобы не спали. Извините, кого ожидать?

БОЛБОЧАНУ

Бандитов, кого же ещё? Я бандитов имею в виду.

ЗИЛЬБЕРГ

Скоро. И пусть дворника от парадного уберут, он своей перепуганной рожей всю обедню нам испортит.

БОЛБОЧАНУ

Позвольте, вы, что же, так и будете тут всю ночь ходить? Сидеть, разговаривать, папиросы курить?

Зильберг останавливается и упирается взглядом в переносицу Болбочану.

ЗИЛЬБЕРГ

Я понимаю, что мы доставляем вам беспокойство, господин Болбочану. Но поверьте мне на слово, банда Котовского доставит вам хлопот значительно больше.

Болбочану несколько секунд переваривает сказанное, затем снова заводит своё.

БОЛБОЧАНУ

Я понял, понял. Простите, а нельзя их, ловить, не в моей квартире, а где-нибудь ещё? Скажем, в парадном? Или – ещё лучше – на улице? На улице очень удобно.

Зильберг каменеет лицом и начинает свистящим шёпотом, в конце тирады гаркнув на хозяина квартиры.

ЗИЛЬБЕРГ

Можно. Отчего нельзя. Но тогда велика вероятность того, что бандиты проникнут к вам, скажем, через чёрный ход, или через окна. Пока мы будем ждать их «в парадном», как вы предлагаете, или «на улице». Поэтому будьте любезны, сделайте такое одолжение, сядьте вон там и прекратите изводить меня своими вопросами!

Болбочану испуганно плюхается на стул и затихает.

5.22. НАТУРА. КИШИНЁВ, УЛИЦА У ВХОДА В ПАРАДНОЕ БОГАТОГО ДОХОДНОГО ДОМА. НОЧЬ.

Котовский со своими людьми вылезает из пролётки неподалёку от входа в парадное богатого доходного дома. Котовский достаёт из кармана часы. Глянув на циферблат, он без выражения защёлкивает крышку часов.

КИЦЕС

Гриш, нам сюда?

КОТОВСКИЙ

Сюда.

Рядом с ними раздаётся голос подошедшего дворника.

ДВОРНИК

Чего хотели, господа хорошие?

КОТОВСКИЙ

В гости пришли. Проводи нас.

Котовский берёт одной рукой дворника за ворот, а другой тянет на себя дверь парадного.

5.23. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА ПРОМЫШЛЕННИКА БОЛБОЧАНУ. НОЧЬ.

В квартире Болбочану жандармы сидят на своих местах у окон и дверей. Зильберг сидит у обеденного стола и читает газету. На столе рядом с газетой лежит его наган. Сидящий в кресле хозяин в томлении интересуется, косясь на наган.

БОЛБОЧАНУ

Скажите, а если они придут, вы что же, и стрелять будете?

Оторвавшись на мгновение от газеты, Зильберг холодно отвечает.

ЗИЛЬБЕРГ

Если придут – будем.

5.24. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ПАРАДНОЕ И ЛЕСТНИЦА В БОГАТОМ ДОХОДНОМ ДОМЕ. НОЧЬ.

Бандиты Котовского во главе с ним самим входят в парадное богатого доходного дома. Котовский затаскивает в парадное за шиворот перепуганного дворника. Отрывая висящий на фартуке дворника свисток, Котовский предупреждает его.

КОТОВСКИЙ

Сиди тут. Только свистни – голову оторву. Понял? Я – Котовский. Слышал обо мне?

От этих слов дворник едва не теряет сознание, чем доставляет Котовскому удовольствие.

КОТОВСКИЙ

О, слышал! Пошли.

Банда поднимается по лестнице, старясь не производить лишнего шума. На втором этаже они подходят к двери, на которой прикреплена медная табличка с именем владельца. Прочтя надпись на табличке, Котовский кивает и, отглядев своих людей, поднимает руку, чтобы нажать кнопку звонка.

5.25. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА ПРОМЫШЛЕННИКА БОЛБОЧАНУ. НОЧЬ.

В квартире Болбочану жандармы откровенно устали от ожидания. Мерно тикают солидные напольные часы. Сидящий у окна жандарм заснул, закинув голову. Сидящий в углу жандарм время от времени щёлкает языком, и тогда спящий перестаёт храпеть. Однако очень скоро всё повторяется. Хозяин не выдерживает.

БОЛБОЧАНУ

Может, по рюмочке коньяка? Господин капитан? В горле пересохло.

Не дожидаясь ответа Зильберга, он начинает подниматься из кресла.

Звенит звонок.

Болбочану падает обратно в кресло и растерянно озирается.

Зильберг берёт со стола наган и взводит курок.

Жандармы беззвучно поднимаются со стульев и занимают места у дверей и окон.

Зильберг берёт под локоть обмершего Болбочану и подводит его к двери. Болбочану смотрит на Зильберга бессмысленными от страха глазами. Зильберг еле слышно подсказывает ему.

ЗИЛЬБЕРГ

«Кто там?». Ну? «Кто там?»

Болбочану срывающимся голосом выполняет задание ровно наполовину.

БОЛБОЧАНУ

Кто...?

ГОЛОС ИЗ-ЗА ДВЕРИ

Откройте, телеграмма.

Зильберг делает знак солдату у дверей отпереть.

5.26. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, ЛЕСТНИЦА В БОГАТОМ ДОХОДНОМ ДОМЕ. НОЧЬ.

Стоя на лестнице у двери, Котовский громко говорит.

КОТОВСКИЙ
Телеграмма, говорю! Молния!
Открывайте!

Слышен звук отпираемого звонка.

5.27. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА ПРОМЫШЛЕННИКА БОЛБОЧАНУ. НОЧЬ.

В квартире Болбочану солдат отпирает замок и рывком распахивает дверь. Они вдвоём ещё с одним солдатом хватают стоящего в дверях человека и швыряют его на пол. Они заламывают человеку руки. С лестничной клетки с револьверами в руках в квартиру суются несколько жандармов, выскочивших из квартиры напротив.

5.28. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА АДВОКАТА ФЛОРИ. НОЧЬ.

На звонок Котовского дверь открывается. На пороге стоит заспанный хозяин квартиры Флор - пожилой мужчина в халате.

ФЛОРИ
Что вам угодно?

КОТОВСКИЙ
Вы - адвокат Флор?

ФЛОРИ
Да.

КОТОВСКИЙ
Тогда мы к вам. Я - Котовский.

Мужчина хватается за сердце и отступает внутрь квартиры.

5.29. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА ПРОМЫШЛЕННИКА БОЛБОЧАНУ. НОЧЬ.

В прихожей квартиры Болбочану Зильберг спрашивает солдат, ворвавшихся с лестничной клетки.

ЗИЛЬБЕРГ
Где остальные?

Один из солдат отвечает.

СОЛДАТ
Больше никого не было, господин
капитан, только вот этот.

Зильберг с отвращением смотрит на лежащего на полу человека.

ЗИЛЬБЕРГ
Ты кто такой?

Человек сдавлено отвечает.

ЗАДЕРЖАННЫЙ
Почтальон я. Телеграмму принёс, из
Винницы.

Зильберг вопросительно поворачивается к хозяину, который, держась за косяк двери в гостиную, наблюдает за происходящим.

БОЛБОЧАНУ
Это, наверное, от моей тёти
телеграмма. У меня в Виннице тётя
живёт. А где, простите, телеграмма?

Переступив через почтальона, Зильберг идёт к двери.
Раздаётся звонок телефона. Болбочану снимает трубку и тут же передаёт её Зильбергу.

ЗИЛЬБЕРГ
Да.

Выслушав сообщение, Зильберг брякает трубку и идёт к двери, говоря на ходу сквозь зубы.

ЗИЛЬБЕРГ
Котовский ограбил другую квартиру.
Снимайте засаду. Скажите
дежурному, этого пусть допросят на
всякий случай.

5.30. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, РЕСТОРАН. НОЧЬ.

Зильберг в одиночестве сидит за столиком. Перед ним – пустая рюмка, графин с коньяком и закуски на тарелках. У него вид смертельно уставшего человека. Он время от времени смотрит на часы.

Подошедший официант наливает в рюмку коньяк и спрашивает у Зильберга.

ОФИЦИАНТ

Ещё чего-нибудь изволите?

Зильберг отрицательно качает головой.
За его спиной раздаётся голос Чеманского.

ЧЕМАНСКИЙ

Какая встреча! Скучаешь?

Подвыпивший Чеманский, не спросив, подсаживается за стол Зильберга. Но тот даже не пытается выглядеть приветливым – Зильберг слишком напряжён.

ЗИЛЬБЕРГ

Прости, я очень занят.

ЧЕМАНСКИЙ

А я, по-твоему, здесь дурака валяю? Я не просто так гуляю – мы с купцами сделку отмечаем. Пойдём к нам.

ЗИЛЬБЕРГ

Олесь, оставь меня. Голова болит.
Мне только купцов твоих не хватает.

ЧЕМАНСКИЙ

Чем это они для тебя нехороши? Хочу тебе напомнить, нас всех учили ну, не на купцов – на управляющих, так ведь разница невелика. Правда, из всех нас один я по профессии работаю. Гришка бегает, ты его ловишь. Вайнер вообще сгинул.

ЗИЛЬБЕРГ

Объявится когда-нибудь.

ЧЕМАНСКИЙ

Так что, не присоединишься к нам? Брезгуешь компанией? А вот мои друзья с удовольствием с тобой выпьют. Они к жандармам – со всем уважением. У них – никаких предубеждений. Они считают, каждое занятие почётно. Каждый как может, на хлеб зарабатывает.

Зильберг без выражения смотрит на приятеля.
Чеманский понимает, что зашёл слишком далеко. Поднявшись,
он уходит за свой стол.

5.31. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, КВАРТИРА ПРОМЫШЛЕННИКА БОЛБОЧАНУ.
НОЧЬ.

Звонок в дверь. Заспанный и измученный Болбочану идёт
открывать. Он открывает дверь – на пороге стоит Котовский,
за спиной которого маячат остальные члены банды.

КОТОВСКИЙ
Жандармы уехали?

БОЛБОЧАНУ
Уехали.

КОТОВСКИЙ
Тогда мы зайдём?

5.32. НАТУРА. КИШИНЁВ, ВОКЗАЛ, ПЕРРОН. НОЧЬ.

Вайнер с напряжённым лицом прогуливается по перрону в
ожидании поезда. Раздаются шум подходящего поезда. Вайнер с
облегчением вздыхает и идёт к своему вагону.

5.33. ИНТЕРЬЕР. КИШИНЁВ, РЕСТОРАН. НОЧЬ.

Зильберг по-прежнему сидит за столом в одиночестве. Перед
ним стоят нетронутые закуски и коньяк. Он смотрит на часы.
Подошедший официант спрашивает.

ОФИЦИАНТ
Изволите ещё чего-нибудь?

Зильберг молча отрицательно качает головой. Он без
интереса наблюдает за тем, как крепко выпившая компания
купцов с участием Чеманского не без труда выбирается из-за
стола.

Перед уходом Чеманский подходит к столу Зильберга.

ЧЕМАНСКИЙ
Ну что, может, всё-таки с нами? Мы
продолжать едем. Цыгане,
шампанское.

ЗИЛЬБЕРГ
Благодарю, нет настроения.

ЧЕМАНСКИЙ

Была бы честь предложена.

Усмехнувшись, Чеманский уходит.

Зильберг не успевает проводить Чеманского глазами, как напротив него за стол садится грузный мужчина, который тоже бросает вслед Чеманскому короткий взгляд. Это Котовский, одетый в смокинг. Он обыденно произносит.

КОТОВСКИЙ

Ну, нагрузился Симпатик. Изменился он. Я бы не сразу узнал.

Котовский и Зильберг молча смотрят друг на друга. Зильберг совершенно не удивлён. Скорее, наоборот, с появлением Котовского он обречённо расслабился.

Подскочивший официант наливает Котовскому коньяк. Теперь видно, что на столе с самого начала стоял второй прибор, который теперь стоит перед Котовским.

Как и Зильберг, Григорий игнорирует еду и коньяк. Он недобро смотрит на Зильберга.

Зильберг, не выдержав, отводит взгляд в сторону.

ЗИЛЬБЕРГ

Вайнера сразу расколол?

Котовский кивает.

КОТОВСКИЙ

Там всё ясно было. Сволочь ты, Немец. Помнишь, как мы клялись не предавать друг друга?

ЗИЛЬБЕРГ

У него был выбор – он мог всё тебе рассказать.

КОТОВСКИЙ

Я не про него, я про тебя. Это ты меня предал. Меня и всё, что у нас было.

ЗИЛЬБЕРГ

Предают свои, Гриш, а мы с тобой давно уже... У тебя нынче другие приятели.

КОТОВСКИЙ

Тем хуже для тебя. Потому что

правда-то на моей стороне.

ЗИЛЬБЕРГ

Правда, Гриш, сама по себе живёт, отдельно от людей. Если она на чьей-то стороне, это уже не правда.

КОТОВСКИЙ

Это твоя философия. Я так жить не могу. Я не такой.

Зильберг раздражается бравадой Григория.

ЗИЛЬБЕРГ

Ну и какой ты? Какой? Корчишь Робин Гуда, а сам – бандит бандитом. Ненавидишь людей только за то, что у них денег больше, чем у тебя.

КОТОВСКИЙ

Врешь, я не из-за этого. Я несправедливость ненавижу, а не людей. Потому никогда никого...

ЗИЛЬБЕРГ

Да перестань ты – «никогда, никого»! Ещё будешь убивать, это вопрос времени. Тем более, что тебе уголовки мало, тебя же на политику потянуло! Тут на днях Вайнер мне революцией грозил. Ну, в общем-то, правильно грозил – к тому всё и идёт. Только делать эту революцию будут не такие чокнутые как ты, а те, для кого что кровь, что вода – всё едино. Такие, как Вайнер. Вот тогда, Гриш, и ты кровью людской причастишься. Я ведь всё это дерьмо, которое вокруг творится, не хуже твоего вижу. И царя-батюшку люблю не больше, чем ты. Но знаешь, что самое скверное? Что сейчас, и правда, никто никому ничего не докажет. Таких как ты, как Желудок – много, очень много. И пока вы всю Россию кровью не зальёте, не поймёте, что натворили. Вы не понимаете одного – революция это плохо. Для всех очень плохо.

Котовский вместо ответа усмехается, и Зильберг ощеривается.

ЗИЛЬБЕРГ

Ты мне эти ухмылки брось, и взгляды свои высокомерные на меня не бросай. Жизнь так повернулась, что на сегодня я офицер, пусть жандармского корпуса, но офицер. А ты – как ни крути – бандит.

КОТОВСКИЙ

Мне повезло больше.

ЗИЛЬБЕРГ

Да перестань ты. Ты мне лучше скажи – если до края дойдёт, если так получится, что «или-или», станешь в меня стрелять?

КОТОВСКИЙ

Сам знаешь, что не стану.

ЗИЛЬБЕРГ

Смотри, обещал.

КОТОВСКИЙ

А ты?

ЗИЛЬБЕРГ

Ты тоже знаешь, я – стану.

Повисает неловкая пауза – главное сказано, остальное уже стало неважным.

Кивнув на стоящие на столе приборы, Котовский язвительно интересуется.

КОТОВСКИЙ

Начал пить в одиночку?

ЗИЛЬБЕРГ

Нет, я заказывал ужин на двоих.

КОТОВСКИЙ

Второй не пришёл?

ЗИЛЬБЕРГ

Пришёл.

Котовский медленно осознаёт, что Зильберг с самого начал ждал его прихода, и поводит глазами в зал.

Становится заметно, как на заднем плане сидящая в зале публика быстро улетучивается. После нескольких слов, сказанных вполголоса испуганными официантами, люди поднимаются из-за столов и без лишнего шума торопливо уходят из зала. В дверях в вестибюль их встречают жандармы с револьверами в руках и быстро проталкивают дальше в безопасный вестибюль.

Котовский на всё это уже не обращает внимания – он понял, что оказался в ловушке.

КОТОВСКИЙ

Ты знал, что я приду?

Зильберг устало кивает безо всякого торжества и через силу объясняет.

ЗИЛЬБЕРГ

Ты не живешь, ты актёрствуешь, Гриш, играешь с жизнью. А игра опасна, потому что предсказуема. Вайнер не смог бы тебя обмануть. Я знал, что ты его расколешь, и ты его расколол. Я был уверен, что ты его не тронешь, и ты его не тронул. Я прикинул, что ты станешь делать дальше. И понял – ты устроишь ограбление в другом месте. А сам выследишь меня и возникнешь ниоткуда, чтобы похвастаться, посмеяться надо мной. Ты ведь позёр, ты без этого не можешь. Я пришёл сюда и стал ждать.

Котовский оглядывает зал.

Зал пуст, в дверях и за окнами видны фигуры вооруженных жандармов.

Котовский неторопливо лезет во внутренний карман и достаёт револьвер.

Жандармы вокруг поднимают оружие.

Зильберг делает едва заметное движение: «Не стрелять».

Котовский кладёт револьвер на стол.

КОТОВСКИЙ

Доволен?

ЗИЛЬБЕРГ

Иди ты...

Помолчав, Котовский поднимается и делает шаг от стола. Как будто только что вспомнив, он останавливается, вынимает из-под пиджака ещё и маузер с укороченным стволом и кладёт его рядом с револьвером. После этого Котовский размеренным шагом выходит из зала. В вестибюле его сразу же обступают жандармы.

Зильберг задумчиво смотрит вслед Котовскому, вертя в пальцах рюмку с коньяком. Он устало поднимается и идёт к выходу.

Две рюмки с коньяком на столе остаются стоять нетронутыми.

5.34. НАТУРА. ОДЕССА, УЛИЦА. ЗИМА. ДЕНЬ.

Ч/б.

Титр: «Одесса. Декабрь 1918 года»

Котовский в пальто и котелке, с тросточкой в руке выходит из кафе, придержав дверь для дамы лет двадцати пяти. Они идут к извозчику. Котовский помогает даме сесть в пролётку. Проходят два офицера-француза, слышна французская речь. Остановившиеся неподалёку две женщины останавливаются и наблюдают за ними.

1-Я ЖЕНЩИНА

Вера Холодная. Боже мой, неземная красота! Ну, прямо как в кино!

2-Я ЖЕНЩИНА

Что за мужчина? Видный какой.

1-Я ЖЕНЩИНА

За мужчину не знаю. Говорили, у неё роман с Котовским. Который бандит. Ну, так я его в лицо не видела. Может, это он и есть.

2-Я ЖЕНЩИНА

А что, интересный.

Вера Холодная уезжает, Котовский неторопливо идёт по улице. За ним следует неясная фигура. Котовский, явно не имея ясной цели своей прогулки, с одобрением разглядывает встречных женщин. Он сворачивает в подворотню. Его преследователь торопится за ним. Свернув за угол, преследователь растерянно оглядывается. В затылок ему упирается ствол револьвера. Преследователь – это Вайнер – на мгновение пугается, медленно поворачивается и видит

Котовского. Ствол его револьвера теперь уже упирается Вайнеру в переносицу.
Выстрела нет.
Посмотрев в зрачок револьвера, Вайнер произносит непослушными губами.

ВАЙНЕР

Гриша. Господи, напугал. А за тобой гнался, гнался.

КОТОВСКИЙ

Какая сумасшедшая встреча.

Только теперь Котовский опускает и прячет револьвер в карман. Он поворачивается и уходит. Вайнер пускается следом за ним.

ВАЙНЕР

Гриша, куда ты! Подожди, Гриш, разговор есть.

5.35. НАТУРА. ОДЕССА, НАБЕРЕЖНАЯ. ЗИМА. ДЕНЬ.

Зимний шторм.

Котовский неторопливо идёт по набережной.

Проходит небольшой отряд поющих английских солдат под командой сержанта.

СОЛДАТЫ

It's a long way to Tipperary,
It's a long way to go
It's a long way to Tipperary,
To the sweetest girl I know!
Goodbye, Piccadilly!
Farewell, Leicester Square!
It's a long, long way to Tipperary,
But my heart's right there!

Котовский идёт как бы сам по себе, мёрзнувший на холодном ветру Вайнер крутится вокруг него. Котовский откровенно неприязнен, он молчит, лишь взглядом выказывая свое отношение к сказанному Вайнером.

ВАЙНЕР

Гриша, а то может, зайдём куда-нибудь? Холодно - невозможно!
Поедим.

Котовский молча останавливается и смотрит на штормовое море.

ВАЙНЕР

Ладно, давай здесь. Мне надо с тобой поговорить. По поручению товарищей. Ты делаешь свои дела – замечательно. Но подумай о том, что будет завтра. Самое разумное – это объединиться с победителем. Помоги нам. У тебя есть оружие, деньги, люди. Мы за тобой внимательно наблюдаем.

Котовский косится на Вайнера. Тот понимает его немой вопрос.

ВАЙНЕР

Мы – это большевистское подполье Одессы.

Котовский смотрит с насмешливым недоумением в наглые глаза Вайнера.

ВАЙНЕР

Чтобы ты знал, у эсеров и большевиков в программах всегда было много общего. Ну, и потом эти июльские события в Москве... Выступление эсеров заставил меня многое переосмыслить. Я стал смотреть на нынешнюю ситуацию совсем другими глазами.

Котовский хмыкает.

ВАЙНЕР

Особенно после того, как большевики этот мятеж, так сказать... Что делать, надо уметь трезво смотреть на вещи. А интересно получилось, правда – ты от них, а я – к ним?

Котовский кивает про себя.

ВАЙНЕР

Ну, и кто из нас прав? Ты слышал, что на фронте творится? Мы сколотили армию такую, что дай бог.

Помяни моё слово – мы скоро
вышибем отсюда всех этих французов,
англичан греков, Деникина! Как ты
не понимаешь – эта оперетта не
может быть надолго. Большевики
сейчас – единственная реальная
сила! Ну, и в конце концов, они
делают то, за что мы с тобой
боролись всю жизнь. Им, то есть
нам, надо помочь.

КОТОВСКИЙ

Я подумаю.

Помолчав, Вайнер неловко начинает.

ВАЙНЕР

Гриш, насчёт того случая... Дело,
конечно, давнее, но я хотел
объяснить...

Котовский молча поворачивается и уходит.

КОНЕЦ 5 СЕРИИ